

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Г. Колодко

Эра Азии на фоне евро-атлантической цивилизации?*

В течение многих лет утверждалось, что в мире наступает век Азии, а позиции Европы и Соединенных Штатов будут ослабевать. Главным фактором этих тектонических сдвигов в относительной экономической мощи и соответствующей геополитической ситуации выступает почти 40-летний рост китайской экономики. Важны достижения и других быстрорастущих стран Юго-Восточной Азии, особенно Индии. Для проверки справедливости этих утверждений проанализированы различные аспекты противостояния Китая и Европы и Северной Америки. Эра доминирования Азии не наступает, но позиции Востока относительно усиливаются за счет ослабления позиций Запада. Как следствие, возникает новая многополярная структура сил в глобальной экономике, в которой не будет одного лидера.

Ключевые слова: экономический рост, глобализация, экономическая мощь, геополитическая ситуация, доминирование Азии, Китай, Европа, США.

JEL: A11, B10, D31, E62, E64, F02, I32, J31, P36.

Времена сейчас мирные, но при этом идут войны, к счастью, между мировыми титанами бескровные. Тем не менее холодная торговая война превращается в горячую, и на смену сдержанным и тихим спорам приходит открытая и громкая конфронтация. Дело в том, что Запад боится растущей конкуренции со стороны Востока, и если первый играет по правилам, все чаще справиться со вторым ему не удастся (Spence, 2011). Поэтому повышается уровень лицемерия — для Соединенных Штатов лучшей иллюстрацией служит лозунг «поступай так, как мы велим, а не так, как мы делаем». Полная убежденность в своей правоте: постоянно говорят о свободной торговле и либеральной экономике, передаче технологий и прямых инвестициях, а сами прибегают к протекционистским маневрам, открытым или маскируемым политической риторикой.

Существует серьезная угроза более активного использования протекционистских мер. Это создаст проблемы для торговли. Наряду с давлением со стороны определенных политических кругов главную роль играет настоящая

Колодко Гжегож Витольд (kolodko@tiger.edu.pl), проф., директор TIGER — Transformation, Integration and Globalization Economic Research, Университет Козьминского (Варшава, Польша).

* Статья основана на выступлении на XVII Международных Лихачевских научных чтениях «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 18–20 мая 2017 г.

истерия по поводу неудержимого наступления Востока, поддерживаемая средствами массовой информации. Лучшим примером такой угрозы выступает Китай, и эту страну чаще всего будут призывать к сдержанности, что уже происходит, иногда вне всяких разумных рамок.

Во времена глобализации и присущей ей борьбы за влияние и положение честной политики не существует (Kolodko, 2014). Китай использует как шпионов, так и промышленный шпионаж. Сегодня это делать труднее, поскольку страна находится в центре международного внимания. Американцы, русские, англичане, немцы, французы и японцы, а также другие нации тоже это делают. Даже если мы не одобряем такую практику, приходится признать, что она существует.

Азия как растущая сила гораздо больше, чем Китай. Объем производства и численность населения континента быстро растут, на Азию приходится более 62% населения мира, 57,5% которого находятся за пределами Ближнего Востока, который часто по геополитическим соображениям рассматривают отдельно. Это население генерирует немногим более 46% валового мирового продукта (ВМП), больше, чем США и ЕС, вместе взятые, а без Ближнего Востока — более 38% ВМП. В будущем доля населения Азии и доля ее объема производства будут увеличиваться за счет более высоких темпов роста населения и экономики. Вспомним, что когда-то — фактически на протяжении всего прошлого тысячелетия примерно до 1820 г., когда объем производства на Западе резко повысился в результате промышленной революции, — на долю Азии приходилось свыше 60% мирового производства. В 1950 г. эта цифра составляла менее 20%, но понадобились усилия лишь двух поколений, чтобы удвоить этот показатель. Может быть, уже в 2030 г. он опять превысит 50%.

Азиатский континент чрезвычайно разнообразен с точки зрения культуры, политики и экономики. Если оставить в стороне азиатскую часть России, которая обычно не учитывается при экономических расчетах по Азии, то ее четыре основных ядра — это Китай и Япония, а также два блока региональной интеграции: АСЕАН в Юго-Восточной Азии, без доминирующей экономики, и СААРК в Южной Азии, где доминирует Индия, региональная сверхдержава с точки зрения численности населения, а также экономической и военной мощи. Из 12 стран с населением свыше 100 млн человек семь — Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Япония и Филиппины — расположены в Азии. Вскоре к ним присоединятся Вьетнам и Турция. Из 20 стран, на которые приходится более 1% мирового объема производства, восемь — Китай, Индия, Япония, Ю. Корея, Индонезия, Турция, Иран и Тайвань — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии, ее демографическом потенциале и культуре, политическом значении и особенно экономическом влиянии, следует помнить, что Азия почти во всех отношениях — крупнейший регион мира.

Нет никаких сомнений, что реальные возможности Китая — экономические и, следовательно, политические и военные, а также его влияние на мировые события, — растут, и этот процесс продолжится в обозримой перспективе. С помощью мирных методов его невозможно остановить и уж тем более повернуть вспять. Это придется признать всем, независимо от собственных интересов и субъективных предпочтений. Западу нужно снова сделать шаг вперед и попытаться найти свое место в меняющемся мире завтрашнего дня.

На сей раз китайский вызов — это не бряцание ядерным оружием и (к счастью) не безнадежная попытка экспорта революции, а главным образом успешный экспорт товаров и, что весьма важно, капитала. Это не только заметно по данным статистики и на крупных международных выставках, но и видно невооруженным глазом при поездках в разные страны. Что не так заметно, но имеет первостепенное значение для будущего, — долгосрочные

последствия крупных инфраструктурных проектов, финансируемых в обмен на многолетние контракты на поставку стратегического сырья. Это особенно бросается в глаза в странах Африки и Латинской Америки, а также, как ни странно, хотя пока в гораздо меньших масштабах, в российской Сибири. В будущем именно в этом регионе будут происходить огромные изменения, главным образом на основе совместных российско-китайских инвестиций и проектов по добыче полезных ископаемых.

Китай тратит большие средства за рубежом на финансирование инфраструктуры для улучшения качества человеческого капитала: школ и университетов, поликлиник и больниц. Для этого используются льготные кредиты, которые в отдельных случаях становятся субсидиями. К реализации проектов в области инфраструктуры привлекают крупные китайские строительные компании, поэтому не удивительно, что они становятся серьезными глобальными игроками. Если взглянуть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, то легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел поражение. Сначала, в колониальный период, последний использовал местное население вместо того, чтобы помогать ему; затем, в неоколониальный период, он обманул эти народы, не предложив сотрудничества; а в период глобализации игнорировал их вместо того, чтобы искать сферы позитивной синергии. Если бы все это не закрепилось в памяти народов на их пути к независимости, они были бы менее склонны поворачиваться в другую сторону, где им еще и могут предложить что-то ценное.

Хотя зарубежная активность Китая, несомненно, способствует сокращению масштабов нищеты и социально-экономическому развитию ряда стран, его подозревают или даже обвиняют в недобрых намерениях, идеологической обработке и политической коррупции, а то и в империализме XXI в. Даже если это отчасти правда, такая стратегия все равно помогает менее развитым странам. Если это нарушает сложившийся баланс сил, то вместо критики китайской экспансии богатому Западу следует увеличить свою помощь и переориентировать методы работы и стратегические направления деятельности международных организаций, на которые сильно влияет китайская экспансия.

В некоторых регионах, особенно в Юго-Восточной Азии, связи с Китаем складывались на протяжении столетий. В частности, существовала система императорской дани вместо колонизации западного и арабского стилия. В течение двух тысячелетий Китай использовал торговлю и уникальную дипломатию, чтобы оказывать влияние на многих его ближних и дальних соседей, включая весь регион, который сегодня образует ассоциацию стран АСЕАН. Тогда Китай действительно был «посередине» этого мира, не прибегая к военным завоеваниям или политическому порабощению, и система отношений отличалась от того, что делали другие цивилизации того времени. Эта система была основана на глубоком убеждении, что Китай — центр мира, а император — сын неба и другие, естественно, должны быть его вассалами. Такой подход культивировала китайская дипломатия, которая имела мало общего с западной. Страны, которые желали торговать с Китаем, — их было довольно много, потому что китайский рынок всегда был привлекательным, — посылали свои «дипломатические» миссии, которые покорно везли дань в Пекин, чтобы снискать благосклонность властей, без протекции которых свободно проникнуть на емкий китайский рынок было невозможно (Vohra, 1999). Когда европейцы прибыли в Китай в XVI в., они так же следовали этим правилам.

Зависимость от экономической ситуации в Китае можно наблюдать на многих уровнях, и это касается не только прямого экспорта и импорта. В литературе даже появился термин «индекс зависимости от Китая» (sinodependency

index). Этот показатель отражает изменения в индексе ценных бумаг 500 компаний (S&P 500), который зависит от позиции 135 включенных в него компаний, получающих свои доходы от операций в Китае. Если китайская экономика находится на подъеме, то растут и биржевые котировки, и наоборот. За четыре года — с 2009 по 2012 г. — индекс зависимости от Китая вырос почти на 130%, а индекс S&P 500 — немногим более чем на 50%. Другими словами, если бы не продолжающийся китайский бум, мировая экономика была бы сейчас в гораздо худшем состоянии, что негативно сказалось бы на фондовых биржах многих стран, включая наиболее развитые.

Вместе с тем множатся проблемы низкой эффективности ряда китайских государственных компаний; становится очевидным несоответствие между структурой предложения и спросом; многие компании имеют огромные долги, теряют ликвидность или уже находятся на грани банкротства; процветает коррупция, особенно при сотрудничестве частного бизнеса и государственного сектора. Наибольшие возможности для коррупции — в системе государственных закупок. Несмотря на несомненные достижения в области охраны окружающей среды, например, облесение, размещение предприятий по переработке отходов в городских агломерациях и использование солнечной энергии, общая ситуация в этой сфере удручает. Согласно оценкам, 16 из 20 самых загрязненных городов мира находятся в Китае.

С помощью мер экономической политики власти пытаются решать растущие проблемы, например, осуществляя дальнейшую децентрализацию управления, изменяя налоговую систему и вводя дерегулирование рынка труда (Lin, 2011). Конечно, нужно делать больше, в том числе обеспечить более эффективный общественный контроль над экономической политикой. На Западе мы постоянно слышим, что в Китае делается слишком мало, слишком поздно, что снизятся темпы развития, но этого пока не произошло.

У Китая будет по крайней мере еще два года, а скорее — более десяти лет, быстрого роста, который более чем вдвое превысит среднемировой показатель и в три раза — богатых стран. Китай не вернется, за редким исключением, к двузначным темпам роста, но по-прежнему сможет быстро наращивать свой национальный доход. Как долго? И насколько?

Это более широкая проблема, поскольку Китай — не единственная быстро развивающаяся страна. На протяжении многих лет мир обсуждает «азиатское экономическое чудо», имея в виду впечатляющий рост как в «единственном в своем роде» Сингапуре, Гонконге и Тайване, так и в таких гораздо более крупных странах, как Индонезия, Ю. Корея, Таиланд, Малайзия, а недавно к ним присоединился Вьетнам. Высокие темпы роста в густонаселенной Индии. Будем исходить из того, что эти страны не совершат стратегических ошибок, которые приведут к резкому замедлению темпов роста. Тогда как долго будет продолжаться быстрый рост экономики азиатских стран, показатели которого значительно выше, чем в других странах и регионах?

С точки зрения теории и политики экономического роста правильнее спросить: до какого уровня он возможен? Другими словами, при каком уровне дохода темпы роста производства начинают замедляться? Если мы сможем ответить на этот вопрос, то сумеем прогнозировать, в течение скольких лет в соответствующих странах будет длиться подъем.

Запад — Евро-Атлантика без Японии и антиподов — с его высокомерием и чувством предполагаемого превосходства может, следуя старому изречению о *двух собаках, дерущихся из-за кости, которую уносит третья*, считать, что некоторые внутренние азиатские конфликты, пока они не слишком разгорелись, в его интересах. Как можно видеть, на азиатском континенте нет

недостатка в разделительных линиях. Шрамы, сохранившиеся с колониальных времен, а также не полностью залеченные раны Второй мировой войны и более поздних региональных конфликтов влияют не только на двух- и многосторонние политические связи, что отражается на дипломатических отношениях и культурном обмене. Мы видим это и в секторе туризма, поскольку в наши дни легче найти организованные группы китайских туристов в беспокойном Египте, чем в Ю. Корее, и больше японцев путешествуют вдали от дома на Ближнем Востоке, чем в соседнем Китае.

Это отнюдь не еще одно столкновение цивилизаций, а проблема, которая выходит далеко за рамки ожесточенной рыночной конкуренции или даже экономической войны. Может показаться, что мы наблюдаем торговый и валютный спор между США и Китаем или, в более широком смысле, между евро-атлантическим Западом и азиатским Востоком, но существуют и другие базовые источники разногласий. Речь идет о гораздо более важных вещах, чем то, что компания Huawei угрожает Motorola, ZTE — Apple, а Samsung — Nokia, что все сильнее ощущается конкурентоспособность Индии, или что есть опасения в отношении проникновения в некоторые секторы капитала из дружественной арабской страны, как в случае с предполагавшимися инвестициями дубайской компании в американские порты. Дело в том, что либеральный капитализм, неолиберальная ветвь которого полностью скомпрометировала себя в результате экономического кризиса и растущего конфликтного потенциала всей мировой системы, противостоит государственному капитализму. Мы имеем в виду еще одно, на этот раз глобальное, измерение конфронтации между рынком и государством.

Как есть несколько типов либерального капитализма, так есть и несколько типов государственного капитализма. Европейский тип, прежде всего представленный Францией, где участие государства в экономике, измеренное с учетом бюджетного перераспределения, достигает 57%, принадлежит прошлому. Он не представляет явной угрозы и не сулит больших надежд на светлое будущее. В отличие от него, азиатский тип государственного капитализма может быть делом будущего в ряде развивающихся стран, поскольку он лучше, чем другие системы, справляется с проблемами, связанными с экономическим ростом в эпоху глобализации. Постсоветский государственный капитализм, которому еще предстоит дать четкое определение, и его более мягкий латинский вариант ищут свое место где-то посередине. На долю государственных компаний приходится 80% капитализации китайского рынка акций, 62 — российского и 38% — бразильского. То, какую сторону в конфронтации между Азией и Евро-Атлантикой выберут развивающиеся страны других регионов, будет иметь первостепенное значение для будущего всего мира, для формирования политической и экономической системы завтрашнего дня.

Во всем мире Китай становится все более притягательным, а Запад теряет свою привлекательность для многих регионов. Оказывается, все больше стран ориентируют свою денежно-кредитную политику на юань, а не на доллар. Если обменный курс доллара к швейцарскому франку меняется на 1%, то курсы валют стран Западной Азии меняются в том же направлении на 0,38%. Но когда то же самое происходит с юанем, они меняются на 0,53%. По оценкам, по сравнению с последними докризисными годами в 32 из 52 стран, классифицированных как «страны с формирующимся рынком», референтная позиция доллара снизилась, часто в пользу юаня. В контексте таких тенденций и особенно учитывая ожидаемое продолжение быстрого экономического роста и увеличения доли Китая в глобальной торговле, можно найти прогнозы, согласно которым уже в 2035 г. китайская валюта станет

доминировать в мире (Subramanian, Kessler, 2012). Это еще одна ошибка. Международное значение юаня, также называемого женьминьби (народные деньги), будет расти, но он не будет доминировать. Также сомнительно, что юань когда-либо заменит доллар в качестве лидера; конечно, в 2035 г. это не произойдет. Если какая-то валюта и сбросит с престола доллар, в котором хранится свыше 62% мировых валютных резервов, то это будет не юань, а евро, на который приходится около $\frac{1}{4}$ таких резервов; конечно, при условии, что евро справится с кризисом.

Китай вошел в моду, причем настолько, что можно найти много мнений о нем, не основанных на надежных научных исследованиях, а скорее следующих моде, не только в области экономики, но и в других областях — от искусства до политики. Три из десяти самых дорогих произведений искусства, проданных в 2011 г., были созданы китайскими художниками, в том числе картина «Орел на сосне» Ци Байши (1864–1957), на которую нашелся покупатель, отдавший за нее 65 млн долл. Конечно, это его проблема. Но проблема для всех нас — распространяющаяся мода на все китайское в экономической политике. В последние годы на слуху еще один термин — «пекинский консенсус» (Halper, 2010). По очевидным причинам он противопоставляется вашингтонскому консенсусу, в настоящее время отправленному на свалку экономической истории и оттесненному на периферию господствующей политической экономии. Так существует ли пекинский консенсус? Может быть, это еще одно изобретение западных политических наук, ведь оба термина появились в США, а китайцы вполне могут обойтись без него? Да, именно так.

Кстати, четверть века назад, когда появился термин «вашингтонский консенсус» (Williamson, 1990), ни в политических, ни в технократических кругах в Вашингтоне не было единодушия относительно того, как обращаться с внешним миром или, точнее, с капризными «формирующимися рынками», сначала в Латинской Америке, а вскоре после этого — в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Тогда очень популярной стала концепция неолитерального дерегулирования рынка, приватизации имущества и ограничения роли государства, название которой было привязано к городу, безусловно, одному из самых влиятельных мест в мире, если не самому влиятельному. Позднее предпринимались попытки изменить эту концепцию экономической политики путем добавления институционального измерения и соответствующего социального содержания под новым названием «поствашингтонский консенсус» (см.: Stiglitz, 1998; Kolodko, 1999). Тогда не казалось, что Пекин может заменить Вашингтон и Китай возьмет на себя роль Соединенных Штатов Америки.

Сейчас похожая ситуация, потому что в политических или технократических кругах в Пекине нет окончательного согласия в отношении того, как обращаться с внешним миром, особенно с другими развивающимися странами. Однако, поскольку становятся очевидными некоторые направления экспансии Китая, и проявилась китайская система ценностей, отличная от западной, стали говорить о пекинском консенсусе. Его общее толкование сводится к регулированию экономики, значительному государственному участию в ней и интервенционизму, когда экономические атрибуты идут рука об руку с политическим централизмом.

В реальности как в академических, так и в высших политических кругах в Китае взгляды далеко не едины, и до достижения консенсуса дальше, чем когда-либо. Разброс мнений намного шире, чем в рамках западных стереотипов, которые делают акцент на разделении между «левым крылом», призывающим к укреплению государственного сектора и бюрократического надзора над экономикой, и «правым крылом», предлагающим дальнейшую

денационализацию и дерегулирование. Примечательно, что ведущий китайский экономист и до недавнего времени главный экономист Всемирного банка Джастин Лифу Линь озаглавил свою книгу по экономической политике «Против консенсуса» (Lin, 2013).

Усилия по вестернизации мира и особенно по его американизации потерпели неудачу, обречены и попытки его китаизировать (к счастью, их пока не было). Как упрощены оценки китайской экономической реальности, которую иногда сводят к «авторитарному капитализму» (McGregor, 2012), так и преувеличена угроза, связанная с имперскими амбициями Китая. Иллюзорный пекинский консенсус не заменяет вашингтонский консенсус, который покидает сцену по собственной вине. Требуется что-то другое, лучшее и больше обращенное в будущее.

К сожалению, со времени беспрецедентного интеллектуального и морального банкротства неolibерального капитализма не появилось новаторской и привлекательной идеи, которая могла бы заполнить образовавшуюся пустоту (Mishra, 2012). Ни Китай, который все еще ищет (с радостью опираясь на великого Конфуция, идеи которого, однако, не могут стать основой для будущего), ни кто-либо еще в Азии или за ее пределами не имеет готового ответа на основополагающий вопрос: «Что же дальше»? Нам нужно приложить колоссальные усилия для защиты универсальных ценностей Запада. Политический неolibерализм делает посмешище из подлинной демократии, а экономический неolibерализм превращает экономику в свою частную ферму, но это не значит, что нам не следует дорожить либеральными ценностями: свободой, наличием выбора, добросовестной конкуренцией, свободой предпринимательства, рынком и социальной экономикой. Азия тоже может на них опираться.

Рождается мир с несколькими экономическими и политическими центрами, расцветают многообразные культуры, и ни одна из них, даже основных, не будет полностью доминировать, в то время как другие отступят на задний план. В этом смысле в будущем найдется место для всех (Kurchan, 2012), ну, или почти для всех. Мир будущего — это многополярный, неоднородный и поэтому культурно более богатый мир. Если нам удастся должным образом ориентировать и контролировать постоянный диалог цивилизаций, то не будет их разрушительных столкновений, а возникнет творческая гармония.

Облик мира в XXI в. будет главным образом определяться не столько результатом прямого экономического соперничества между Азией, с одной стороны, и Европой и Америкой — с другой, сколько взаимопроникновением этих мегасистем ценностей, институтов и политики, их взаимодействием и взаимообогащением. Наблюдающаяся сегодня конфронтация выступает скорее возможностью для будущего, чем угрозой для него. Нам следует, однако, понимать, что появляются не только новые рынки, как это определял бы неolibеральный капитализм, но и альтернативные идеологии. Чем быстрее это признают интеллектуальные лидеры и руководители мировых политических и экономических центров, тем лучше. Таким образом, наибольшая угроза для богатого западного мира, а также для некоторых развивающихся стран, которые пытаются слепо следовать за ним, исходит не от Китая, а от мифа о совершенном рынке (Kolodko, 2011).

Список литературы / References

Halper S. (2010). *The Beijing consensus: How China's authoritarian model will dominate the twenty-first century*. New York: Basic Books.

- Kolodko G. W. (1999). Transition to a market economy and sustained growth. Implications for the post-Washington consensus. *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 32, No. 3, pp. 233–261.
- Kolodko G. W. (2011). *Truth, errors, and lies: Politics and economics in a volatile world*. New York: Columbia University Press.
- Kolodko G. W. (2014). *Whither the world: The political economy of the future*. New York: Palgrave MacMillan.
- Kupchan Ch. A. (2012). *No one's world. The West, the rising rest, and the coming global turn*. New York: Oxford University Press.
- Lin J. Y. (2011). *Demystifying the Chinese economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lin J. Y. (2013). *Against the consensus. Reflections on the Great Recession*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McGregor J. (2012). *No ancient wisdom, no followers: The challenges of Chinese authoritarian capitalism*. Westport, CT: Prospecta Press.
- Mishra P. (2012). *From the ruins of empire: The revolt against the West and the remaking of Asia*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Spence M. (2011). *The next convergence. The future of economic growth in a multispeed world*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Stiglitz J. E. (1998). *More instruments and broader goals: Moving toward the post-Washington consensus* (WIDER Annual Lecture 2). Helsinki: UNU-WIDER.
- Subramanian A., Kessler M. (2012). *The Renminbi bloc is here: Asia down, rest of the world to go?* (Working Paper No. 12-19). Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- Vohra R. (1999). *China's path to modernization: A historical review from 1800 to the present*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Williamson J. (1990). What Washington means by policy reform. In: J. Williamson (ed.). *Latin American adjustment: How much has happened?* Washington, DC: Institute for International Economics.
-

An Asian era with the Euro-Atlantic civilization as a background?

Grzegorz W. Kolodko

Author affiliation: TIGER – Transformation, Integration and Globalization Economic Research, Kozminski University (Warsaw, Poland).
Email: kolodko@tiger.edu.pl

For years, the view has been repeated that Asia's age is coming, and thus the position of both Europe and the United States is declining. The main factor behind these tectonic shifts in relative economic power and the associated geopolitical situation is the nearly four decades of rapid growth of Chinese economy. The achievements of other Southeast Asian countries, especially India, with robust growth are also meaningful with this regard. The article verifies these views and analyzes the different aspects of China's confrontation with Europe and North America. The Asian dominance era is not coming, yet a relatively stronger position of the East at the cost of a weakening position of the West is emerging. Hence, a new multi-polar arrangement of forces in the global economy, without a hegemon, is being created.

Keywords: economic growth, globalization, economic power, geopolitical situation, Asian dominance, China, Europe, United States.

JEL: A11, B10, D31, E62, E64, F02, I32, J31, P36.